

Часть 13

На мгновение в комнату вошла задыхающаяся тишина.

«Хорошее горе Ваше воображение богатое».

Чтобы рассеять неловкость, Чикаге затмила атмосферу,

«Кроме того, ты сказал, что моя дурная привычка была более очевидной Значит, это не первый раз, а?»

«Увы ... на спортивном складе в Вавилоне, когда ты разглядывала ту девушку, я заметил».

Тон Акацуки не изменился,

«Изуми, ты не совсем лесбиянка, не так ли?»

«... Ты ошибся.»

Чикаге подсознательно отвела от него взгляд.

«Когда я был в Ализарде в течение короткого периода времени, я был телохранителем борделя. В конце дня поведение женщины происходит от сердца или от его простого действия. Если вы не хотите, чтобы мои глаза видели его, вы должны ставить себя намного больше ».

Акацуки вспомнил эту сцену,

«Когда я увидел, как ты разобралась с той девушкой, я мог бы сказать, что ты привыкла к ней, но это не значит, что у тебя много опыта, ты пассивно реагировала на ее потребности. Ты играла, чтобы оправдать ожидания, которые она возложила на тебя».

«Значит, ты говоришь, что я протягиваю руку помощи девушке, чтобы вести себя как хороший парень?»

Чикаге уставилась на Акацуки.

«Конечно, нет, иначе я бы не сказал: « Ты не лесбиянка ». Предположительно, это точно так же, как и раньше - ты просто хотела быть кем-то нужным, для нее ».

Он продолжил,

«Каждый, кто был вызван в другой мир, страдал некоторой степенью травмы, а затем после больших трудностей, наконец, вернувшись в этот мир, только ограничился особым автономным районом, отделяющим их от своих семей. Чувство одиночества было бы естественным. Я не собирался заглядывать в твою личную жизнь, но, возможно, все они были такими же, как ты, испытывая множество вещей, которые они бы предпочли забыть. Что-то, чего нельзя было терпеть в одиночку.»

«.....»

Чикадж вдруг потеряла дар речи.

«Хорошим способом заполнить одиночество было бы поиск человека с той же раной, который мог бы исцелить боль. И если другой такой же, становится легче говорить о сердечных проблемах. С твоей жизнерадостной личностью и твоим желанием позаботиться о других, таких одиноких девочках, верно? Это может быть просто твое естественное расположение, или ты изменила себя, чтобы преследовать то, что нужно кому-то, чего я не знаю ».

Акацуки продолжал говорить:

«Если я прав, ты всегда слушаешь их проблемы, исцеляешь их внутреннее одиночество, но сохраняешь свою боль и одиночество глубоко в своем сердце. Все потому, что ты беспокоишься, что они держатся за что-то очень болезненное, и с ним нужно поговорить до того как станет слишком поздно. Как они могут принять во внимание заботы другого? Поэтому ты сидишь и тихо слушаешь, как они рассказывают о своих проблемах, и просто играешь роль. Ты только хочешь, чтобы они разгрузили то, что у них на уме, желая дать им тепло и готова исцелить их разбитое сердце. Без сомнения, для этих людей нет другого идеального места для отдыха ».

Он остановился на мгновение -

«Ты ... никогда не замечала, что твое сердце страдает еще больше от боли и беспокойства этих людей».

«.....»

Чикаге молчала перед рассказом Акацуки. Даже молчание было равносильно утверждению его слов, у нее не было другого выбора. У Чикаге Идзуми не было слов, чтобы опровергнуть его.

«Ты пытаешься заполнить пробел внутри какого-то другого сердца, но это непросто. Чтобы удовлетворить их потребности, ты должна постоянно вносить изменения, даже если это не хорошо для тебя ...»

Акацуки остановился.

«... Выслушивание кого-то обнажает их душу, даже если это девушка, ваша дружба может постепенно превратиться в любовь, как не странно. В то время тебе нужно было бороться с вашими истинными чувствами. Ты все еще решила удовлетворить потребности этих девушек, потому что они тебе нужны. Это было не для того, чтобы заполнить одиночество в твоём сердце ».

Чикаге молча слушала рассуждения Акацуки и не оспаривала до сих пор:

«Хотя это довольно интересная история ... все в твоей голове. Есть ли какие-нибудь надежные доказательства?»

«Мы говорим о мыслях и чувствах человека, конечно, нет убедительных доказательств. Но когда ты принимаешь во внимание предыдущие события, их можно использовать в качестве ссылки».

Так Акацуки показал свои рассуждения:

«Во-первых, из всех твоих одноклассников, первый человек, с которым ты активно разговаривала, был я и Миу. Во время моего вступительного экзамена я вызвал огромное беспокойство. Другие студенты, естественно, избегали нас, но ты была единственной, кто хотел поговорить с нами.»

«У меня просто не было сердца, вот и все ... другого смысла не было».

Чикаге отвела взгляд.

«Это так? На мой взгляд, отношения с другими учениками были нормальными. Класс В уже понимает, как это было с проблемным ребенком, Онидзукою. Я столкнулся с президентом студенческого совета Киой Хиками, очевидно, я был более неприятным персонажем, чем Онизука Любой нормальный ученик не хотел бы со мной связываться, но ты пыталась посоветовать нам: «Лучше не лезть к Онидзуке», однако ты знала, что я, вероятно, больше проблемный ребенок, чем он».

Почему?

«Причина была проста: мы были новичками в Вавилоне, незнакомые с правилами школы. Если бы ты могла приблизиться, ты определенно почувствовала бы необходимость помочь. Итак, ты помогла нам».

«...»

«И наоборот, ты, скорее всего, держалась на расстоянии от людей, которые не нуждались в тебе. Поэтому, когда семестр начался, ты была бы независимой. Однако после того, как Миу

стала обоюдным другом, староста открыла свои сердечные проблемы тебе, и естественно, что ваша дружба быстро развивалась.»

«..... Акацуки».

«Вице-президент. Когда она впервые приехала в Ализард, она настаивала на нейтралитете и не слушала наши рассуждения, поэтому вы полностью игнорировали ее. Однако, сражаясь вместе в этой войне, и когда я почти потерял свою жизнь, это было поворотным моментом для тебя и Харуки, чтобы стать ближе. После возвращения в этот мир с Ализарда, ваши отношения улучшились ».

«... Хватит, Акацуки».

Не говори больше, - Чикаге умоляла его.

Пожалуйста, не показывай мою слабую сторону.

В другой комнате мы смогли установить новую связь. Разве этого недостаточно? Однако Акацуки не остановится на этом. Идзуми Чикаге знала лучше, чем кто-либо.

Если он решит остановиться здесь, она продолжит носить маску.

Тогда в один прекрасный день в будущем она будет со слезами сожаления.

Акацуки остановит их сейчас - ее будущие слезы.

Поэтому он продолжит.

«Затем ты по-прежнему будешь с нейтральным лицом, с которым ты была до сих пор. Поддерживая одинаковое расстояние от всех одинаково и односторонне слушая их заботы. Для тебя, может быть, это будет легко сделать, но, к сожалению, ощущение расстояния внезапно вернется в твою жизнь. Ты достаточно страдала....»

Одно дыхание.

<http://tl.rulate.ru/book/2082/287332>